

Н. Долинина

Смотр в Браунау

Первая картина войны, которую рисует Толстой, — не сражение, не наступление, не взятие крепости, не оборона даже; первая военная картина — смотр, какой мог бы происходить в мирное время. И с первых же строк, повествующих о войне, даже с первой фразы, Толстой дает понять, что война эта не нужна народу, ни русскому, ни австрийскому:

«В октябре 1805 года русские войска занимали села и города эрцгерцогства Австрийского, и еще новые полки приходили из России, отягощая постоем жителей, располагались у крепости Браунау».

Кто мог тогда предполагать, что почти через сто лет в этом самом Браунау родится мальчик, чье имя проклянет человечество в двадцатом веке, — Адольф Шикльгрубер. Став взрослым, он возьмет себе фамилию Гитлер и, забыв уроки Наполеона, поведет свои войска в Россию...

А пока Браунау — маленький австрийский городок, где находится главная квартира Кутузова и куда собираются русские войска, среди них — пехотный полк, в котором служит разжалованный в солдаты Долохов.

У генерала, командира полка, одна забота: «лучше перекланяться, чем недокланяться». Поэтому усталые солдаты после тридцативерстного перехода «не смыкали глаз, всю ночь чинились, чистились»; поэтому такую ярость вызывает у генерала неположенный цвет шинели Долохова; поэтому «звuki усердных голосов, перевирая», повторяют приказ:

«Командир третьей роты к генералу! командира к генералу, третьей роты к командиру!..» И, наконец: «Генерала в третью роту!»

Поэтому генерал кричит на командира третьей роты Тимохина, пожилого заслуженного офицера; называет злосчастную шинель Долохова то сарафаном, то казакином; не без юмора замечает: «Что, он в фельдмаршалы разжалован, что ли, или в солдаты?..» — и, распаяясь, утверждаясь в своем гневе, который уже ему самому понравился, останавливается только перед наглым взглядом Долохова и его гордым звучным голосом: «Не обязан переносить оскорбления».

Роман Толстого называется «Война и мир», — уже в этом названии контраст, резкое противопоставление будней войны и будней мира; казалось бы, на войне все иначе, все по-другому, чем в мирной жизни, и люди проявят себя здесь не так, как в светских гостиных; выступит иная, лучшая их сущность...

Оказывается, ничего подобного. Отчаянный и наглый Долохов остается самим собой; в солдатском строю он тот же, что в разгульной компании Анатоля Курагина. Полковой командир, «плотный и широкий больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому», не был нам знаком раньше, но на его месте мы легко можем представить себе знакомого нам князя Василия, — он вел бы себя точно так же, и девиз «лучше перекланяться, чем недокланяться» вполне бы ему подошел.

Мы еще не видели, на войне князя Андрея, но не можем себе представить, чтобы он испугался генерала, как Тимохин, или был озабочен передеванием солдат, как генерал. Зато очень легко представить себе Бориса Друбецкого адъютантом командира полка, выполняющим все его бессмысленные требования...

Оказывается, на войне люди проявляют себя так же, как в мирной жизни, — может быть, только ярче выступают их характеры; нет контраста между войной и миром; есть другой контраст: как в мирной жизни, так и на войне одни люди честны, другие — бесчестны и думают не о деле, а о своей выгоде.

Полк прошел тысячу верст из России. Солдатские сапоги разбиты; новую обувь должно было доставить австрийское ведомство и не доставило: полкового командира это заботит мало. Полк не готов к боевым действиям, потому что нельзя воевать босиком, но полковой командир хочет показать главнокомандующему как раз обратное: все в порядке, полк готов к войне.

Только вот в чем беда: главнокомандующему не этого надо. Кутузов «намеревался показать австрийскому генералу то печальное положение, в котором приходили войска из России». Он-то знает, какое значение имеет обувь; после смотра солдаты скажут о нем: «Не... брат, глазастей тебя, и сапоги и подвертки все оглядел...»

Все, что делает и говорит Кутузов, обратно тому, что делает и говорит молодцеватый, несмотря на свою тучность, полковой командир. Кутузов стар; Толстой подчеркивает, что он, «тяжело ступая... опускал ногу с подножки», что голос у него слабый, что шел он «медленно и вяло». Полковой командир тоже немолод, но старается выглядеть молодым; он неестествен — Кутузов прост в каждом движении, «точно как будто и не было этих двух тысяч людей, которые не дыша смотрели на него и на полкового командира».

Тот самый капитан Тимохин, который вызвал гнев полкового командира из-за синей шинели Долохова, привлекает внимание Кутузова:

«— А, Тимохин! — сказал главнокомандующий...

...в эту минуту обращения к нему главнокомандующего капитан вытянулся так, что, казалось, посмотри на него главнокомандующий еще несколько времени, капитан не выдержал бы; и потому Кутузов, видимо поняв его положение и желая, напротив, всякого добра капитану, поспешно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробежала чуть заметная улыбка.

— Еще измаильский товарищ, — сказал он. — Храбрый офицер! Ты доволен им? — спросил Кутузов у полкового командира.

И полковой командир... *вздрыгнул*, подошел вперед и отвечал:

— Очень доволен, ваше высокопревосходительство».

Полковой командир озабочен только одним — всегда одним: не упустить случая выдвинуться, понравиться начальству, «перекланяться». Недаром «видно было, что он исполнял свои обязанности подчиненного с еще большим наслаждением, чем обязанности начальника». Что бы ни происходило, он прежде всего думает о том, как он будет выглядеть в глазах начальства. Где уж ему замечать других людей, где ему понять, что капитан Тимохин — храбрый офицер...

Кутузов ведь тоже не всегда был главнокомандующим — но и раньше, когда он был моложе, он умел видеть других людей, понимать подчиненных, поэтому еще с турецкой войны он запомнил Тимохина. Там, в битве под Измаилом, Кутузов потерял глаз. И Тимохину памятна эта битва: после смотра он ответит полковому командиру, «улыбаясь и *раскрывая улыбкой недостаток двух передних зубов, выбитых прикладом под Измаилом*».

Что же сказал ему полковой командир и что ответил Тимохин?

«— Вы на меня не претендуйте, Прохор Игнатьич!.. Служба царская... нельзя... другой раз во фронте оборвешь... Сам извинюсь первый, вы меня знаете...

— Помилуйте, генерал, да смею ли я! — отвечал капитан...»

Теперь, после милостивого обращения Кутузова с капитаном, генерал обращается к нему по имени и отчеству, почти лебезит перед ним. А Тимохин? «Да смею ли я!..» Он маленький человек, такой же маленький, как капитан Тушин, с которым мы скоро познакомимся; как Максим Максимыч у Лермонтова. Но на этих маленьких людях держится русская армия — в битве под Шенграбеном Тушин и Тимохин определяют успех сражения; оба они не боятся неприятеля, но боятся начальства; это понимает Кутузов, поэтому он отвернулся, чтобы не заставлять Тимохина вытягиваться сверх меры.

Кутузов не только очень, очень много знает о людях — он понимает их и жалеет, сколько это возможно; он живет не по законам света, и в нашем восприятии он сразу оказывается своим, как Пьер, как Наташа, как князь Андрей, потому что главное разделение людей в романе, которое подсказывает нам Толстой, — главное разделение такое: близки и дороги люди искренние и естественные, ненавистны и чужды те, кто фальшивы. Это разделение пройдет через весь роман, и на войне, и в мире оно будет главным в нашем отношении к людям, с которыми познакомит нас Толстой.